

УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В. В. Трухачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 января 2013 г.

Аннотация: рассматриваются вопросы, касающиеся реализации права участников уголовного судопроизводства на личную безопасность. Предлагается критический анализ редакции принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве в действующем законодательстве. Раскрывается содержание отдельных уголовно-процессуальных мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, предлагаются меры по их совершенствованию.

Ключевые слова: безопасность, участник уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальные меры.

Abstract: in article the questions concerning realization of the right of participants of criminal legal proceedings on a personal security are considered. The critical analysis of edition of the principle of protection of the rights and freedoms of the person and the citizen in criminal legal proceedings in the current legislation is offered. The maintenance of separate criminal procedure measures of safety of participants of criminal legal proceedings reveals, and measures for their improvement are offered.

Key words: safety, participant of criminal legal proceedings, criminal procedure measures.

Вопросы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства достаточно активно исследовались в последние годы в теории уголовного процесса¹. Определенный положительный эффект дала и реализация многих из предложений авторов, занимающихся указанной проблематикой в ходе уголовного судопроизводства. Так, в органах внутренних дел для реализации Федерального закона от 20 августа 2004 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» образованы подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. На данные

---

¹ См., например: Трухачев В. В. Преступное воздействие на доказательственную информацию. Воронеж, 2001 ; Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2002 ; Брусницын Л. В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства. М., 2009 ; Томилова Н. С. Принципы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009 ; и др.

подразделения возложены функции по применению мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья лиц, подлежащих государственной защите, а также по обеспечению сохранности их имущества². Принята Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы», утвержденная постановлением Правительства РФ от 2 октября 2009 г.

Тем не менее проблема обеспечения безопасности участников отечественного уголовного судопроизводства далека от разрешения. Как отмечается во вступительных положениях указанной Государственной программы, в России ежегодно около 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел по особо тяжким преступлениям. Из них каждый пятый получает угрозы с целью изменения либо отказа от даваемых показаний. Значительное количество граждан, ставших жертвами или свидетелями преступлений, не обращаются в правоохранительные органы, опасаясь мести со стороны преступников либо не веря в эффективность государственной защиты³.

В связи с этими обстоятельствами теоретический и практический интерес представляет рассмотрение вопросов, касающихся уголовно-процессуальных средств обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. В число основополагающих положений в сфере данной проблематики, содержащихся в уголовно-процессуальном законодательстве, безусловно, входят нормативные правила, содержащиеся в ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). Данная статья выделяется законодателем в качестве нормы-принципа и именуется «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве».

Согласно ч. 3 указанной нормы при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166, ч. 9; 186 ч. 2; 193, ч. 8; 241, п. 4 ч. 2 и 278, ч. 5 УПК РФ, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Остановимся вначале на общих замечаниях, касающихся выделения указанного принципа и его содержания. Не все авторы единодушно поддерживают как выделение указанного принципа, так и его нормативные

---

² См.: Саморока В., Бекетов М. Проблемы соблюдения конфиденциальности сведений о защищаемом лице при обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2010. № 5. С. 15.

³ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

составляющие. По мнению Б. Т. Безлепкина, название ст. 11 УПК РФ не вполне соответствует ее содержанию (к тому же о свободах в ней вообще не идет речь) и носит не рабочий, а отсылочный характер, причем по самым различным вопросам, не связанным друг с другом. В таком виде существование принципа уголовного судопроизводства, поименованного в названии статьи, спорно⁴.

В целом можно согласиться с указанным мнением, хотя некоторые замечания данного автора, в свою очередь, вызывают сомнения. Думается, нормы, содержащие принципы уголовного судопроизводства в широком смысле слова, как и нормы-принципы в иных отраслях права, не могут «априори» носить рабочий характер. Данные нормы определяют основные начала, выступающие в качестве главных ориентиров для лиц, осуществляющих уголовный процесс. Рабочий, прикладной характер должны носить иные нормы, которые конкретизируют указанные принципиальные положения в зависимости от стадий уголовного процесса и определяют конкретные механизмы (процедуры) реализации таких принципов.

Не вполне обоснованным, по нашему мнению, является использование в наименовании статьи термина «охрана прав и свобод человека». Термин «охрана», прежде всего, ассоциируется с защитой от внешнего вторжения, внешних угроз правам и свободам человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Видимо, не совсем логичным является возложение охраны указанных интересов на следователя, дознавателя, поскольку указанные должностные лица, как следует из текста ч. 1 ст. 11 УПК РФ, призваны обеспечить возможность осуществления указанных прав. Фактически они признаются субъектами, которые должны не только обеспечивать права, но и охранять их от «саших себя». По нашему мнению, охранительные функции прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве с известной долей относительности осуществляют прокурор и суд. Кроме того, в содержание термина «охрана» явно не вписывается разъяснение участникам уголовного судопроизводства их прав и обязанностей, что также закреплено в ч. 1 рассматриваемой нормы-принципа.

Думается, во избежание дублирования имеются основания для объединения ст. 9 УПК РФ «Уважение чести и достоинства личности» и ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве». Уважение указанных прав и свобод является обязательной предпосылкой для их охраны. Причем как уважение, так и охрана основных прав и свобод являются составляющим одного процесса – обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Попутно отметим, что термин «законные интересы» применительно к уголовному судопроизводству является более конкретным и направленным, чем термин «свободы» человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

---

⁴ См.: *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, в качестве одного из вариантов решения проблемы предлагается объединение положений, содержащихся в ст. 9 и ст. 11 УПК РФ, в одной норме, именуемой «Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства». Принципиально важно закрепить в указанной норме требование о том, что обеспечение прав и законных интересов в отечественном уголовном судопроизводстве должно соответствовать международно-правовым стандартам в указанной сфере. Видимо, это необходимо сделать хотя бы потому, что согласно ст. 413 УПК РФ вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены, и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Новым же обстоятельством в соответствии с данной нормой (наряду с иными) считается установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом уголовного дела, связанного с:

- а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;
- б) иными нарушениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Рассмотрим далее положения ч. 3 ст. 11 УПК РФ, непосредственно касающиеся обеспечения личной безопасности участников уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, в указанной норме необходимо обозначить право участников уголовного судопроизводства на личную безопасность и обязанность ее обеспечения судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, дознавателем, органом дознания. Обусловлено это следующими обстоятельствами:

1. Право на личную безопасность участников уголовного судопроизводства относится к силе основных прав участников уголовного судопроизводства. Нарушение данного права приводит к частичной или полной утрате возможности субъекта уголовного судопроизводства реализовать иные уголовно-процессуальные права либо к отказу субъекта уголовного судопроизводства от использования своих процессуальных прав.

2. В отличие от иных уголовно-процессуальных прав (например, права на защиту) осуществление указанного права, прежде всего, возлагается на органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, и лишь относительно зависит от возможностей и активности участника уголовного судопроизводства. Потерпевший, свидетель, иные участники уголовного судопроизводства, как правило, обладают гораздо меньшими возможностями и средствами обеспечения собственной безопасности, чем правоохранительные органы и суд. Подчеркнем, что в ч. 1 ст. 11 УПК РФ речь идет о том, что суд, прокурор, следователь, дознаватель обеспечивают не права, а возможность осуществления этих прав.

Дополнительным аргументом в пользу закрепления указанного права в норме-принципе является и наличие ст. 16 УПК РФ, в которой право на защиту, как и право на безопасность участника уголовного судопроиз-

водства является основным уголовно-процессуальным правом и закреплено законодателем в главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства». Отметим также, что право на защиту относится не ко всем участникам уголовного судопроизводства, а лишь к подозреваемым и обвиняемым. Право на личную безопасность является универсальным и распространяется на всех участников уголовного судопроизводства.

В связи с этим предлагается включить в ч. 3 ст. 11 УПК РФ следующее положение. Участники уголовного судопроизводства имеют право на личную безопасность, которая обеспечивается судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания и дознавателем в пределах своей компетенции.

Думается, упущением является недостаточная нормативная урегулированность процессуальных средств обеспечения участников проверки сообщения о преступлении. Законодатель оговаривает, что уголовно-процессуальные меры безопасности применяются не только к потерпевшим и свидетелям либо их близким, но и к иным участникам уголовного судопроизводства, а такими следует признавать и участников проверки сообщения о преступлении, поскольку досудебным является уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении.

Однако в ч. 3 указанной нормы содержится положение отсылочного характера к тем следственным и судебным действиям, которые проводятся лишь после возбуждения уголовного дела. Соответственно в настоящее время уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности применяются лишь после возбуждения уголовного дела к лицам, имеющим процессуальный статус потерпевшего, свидетеля, обвиняемого и др. (Подчеркнем, что в нашей работе речь идет именно об уголовно-процессуальных мерах обеспечения безопасности, т.е. тех, которые непосредственно закреплены в УПК РФ.)⁵

Между тем в следственной практике распространенными являются случаи, когда угрозы безопасности носителей потенциальной доказательственной информации возникают и активно реализуются до возбуждения уголовного дела на стадии проверки сообщения о преступлении. Путем применения угроз и их осуществления в отношении заявителей и очевидцев преступлений субъекты сокрытия преступной деятельности (особенно в случае осуществления организованной преступной деятельности) нередко добиваются того, что уголовные дела не возбуждаются и не расследуются.

На наш взгляд, в определенной степени исправить положение может внесение дополнений, касающихся личной безопасности заявителей и очевидцев, в ст. 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщений о преступлении» и включение в ст. 11 УПК РФ ссылки на эту норму. Предлагается дополнить ст. 144 ч. 7 следующего содержания:

---

⁵ Иные меры государственной защиты могут быть применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителей и очевидцев в соответствии с ч. 2 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

«При необходимости обеспечить безопасность заявителя и очевидцев; лица, осуществляющие проверку сообщения о преступлении, вправе не приводить данные об их личности в порядке, предусмотренном ч. 9 ст. 166 УПК РФ».

По нашему мнению, неоптимальным является также положение о том, что лица, осуществляющие уголовный процесс, принимают меры безопасности только при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства угрожают убийством и другими опасными противоправными деяниями.

Такой подход ориентирует работников правоохранительных органов на пассивную, ожидательную позицию. В соответствии с такой законодательной установкой следователи и оперативные работники должны «дожидаться», когда на участников уголовного судопроизводства будет оказано преступное воздействие в виде угроз. Причем данные об угрозах, полученные работниками следственных и оперативных подразделений, должны быть «достаточными». Нередко после поступления первых угроз заявителя, очевидцы, потерпевшие, свидетели отказываются от сделанных ими заявлений, изменяют показания и прекращают сотрудничество со следствием. Кроме того, такие последствия в виде угроз в определенной степени подрывают доверие к правоохранительным органам. Имеется в виду, что указанные лица, обратившись за защитой в правоохранительные органы о совершении в отношении их преступлений, не получили должной защиты от угроз со стороны лиц, оказывающих на них преступное воздействие. Действия работников следствия, дознания, прокуратуры, суда по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства должны носить упреждающий, превентивный характер. Думается, работники следственных и оперативных подразделений вполне могут адекватно оценить возможность поступлений угроз тому или иному участнику уголовного судопроизводства в конкретных случаях.

В связи с этим предлагается дополнить ч. 3 ст. 11 УПК РФ указанием на то, что суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания в пределах своей компетенции принимают меры безопасности при наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства угрожают или могут угрожать убийством, и т.д.

Упущением рассматриваемой нормативной конструкции является отсутствие в ч. 3 ст. 11 УПК РФ указания на обязанность принимать уголовно-процессуальные меры безопасности в случае, если имеются данные о том, что на участника уголовного производства либо их близких оказано преступное воздействие до принятия мер безопасности. Поскольку государство в лице своих правоохранительных органов и суда обязано защищать безопасность участника уголовного судопроизводства на всем его протяжении, а вероятность негативных последствий для интересов правосудия, в такой ситуации резко возрастает, целесообразно закрепить в рассматриваемой норме указание на обязательное принятие процессуальных мер безопасности в отношении участников судопроизводства и их близких.

К числу упущений, содержащихся в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, относится также отсутствие в ней указания на то, в связи с чем на потерпевшего, свидетеля, иного участника уголовного судопроизводства оказывается воздействие в виде угроз убийством, уничтожением имущества, совершением иных опасных противоправных деяний. Поступление таких угроз может быть не связано с участием конкретного лица в определенном уголовном судопроизводстве (совершено по бытовым мотивам, мотивам личной мести, ревности и др.). В таких случаях применение уголовно-процессуальных средств обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства в рамках конкретного уголовного судопроизводства может и не требоваться. Вопрос о мерах безопасности в подобных случаях должен решаться в рамках иного судопроизводства, осуществляемого по факту таких угроз.

Предлагается дополнить ч. 3 ст. 11 УПК РФ следующим положением:

«При наличии данных о том, что в связи с участием в уголовном судопроизводстве к участнику уголовного судопроизводства, его родственникам или близким применено насилие, уничтожено или повреждено имущество, в отношении их совершено иное преступное воздействие, указанные органы и должностные лица должны принять необходимые уголовно-процессуальные меры безопасности в обязательном порядке».

Частными замечаниями, касающимися содержания ч. 3 ст. 11 УПК РФ, на наш взгляд, являются:

– Излишнее перечисление в законе круга лиц, к которым могут быть применены уголовно-процессуальные меры безопасности. Так, в рассматриваемой норме в числе данных лиц указаны как близкие родственники, так и родственники. Очевидно, что близкие родственники также являются родственниками.

– Не вполне точным и в определенной степени дезориентирующим правоприменителей является указание в ч. 3 ст. 11 УПК РФ на то, что уголовно-процессуальные меры безопасности применяются в случае угрозы применения «иных опасных противоправных деяний». Определенную опасность представляют любые правонарушения, в том числе и административно-правовые. Видимо, применительно к рассматриваемому случаю речь должна идти об общественно опасных деяниях, а именно преступлениях. В связи с этим корректнее было бы указать в законе, что меры уголовно-процессуальной безопасности применяются в случае возможных или реальных угроз оказания преступного воздействия.

С учетом изложенного предлагается следующая редакция ч. 3 ст. 11 УПК РФ:

«При наличии достаточных данных о том, что в связи с участием в уголовном судопроизводстве потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их родственникам и близким лицам угрожают или могут угрожать убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иным преступным воздействием, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей

компетенции в отношении указанных лиц меры уголовно-процессуальной безопасности, предусмотренные статьями: 144, частью седьмой; 166, частью девятой; 186, частью второй; 193, частью восьмой; 241, пунктом 4 части второй и 278, частью пятой УПК РФ, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Остановимся кратко на видах мер уголовно-процессуальной безопасности, указанных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу. Данная норма содержит также правило, согласно которому в случаях, не терпящих отлагательств, указанная мера применяется без получения согласия руководителя следственного органа на основании постановления следователя.

По отдельным категориям уголовных дел рассматриваемая мера уголовно-процессуальной безопасности могла быть также применена в отношении подозреваемых и обвиняемых. Отсутствие в рассматриваемой норме процессуальной фигуры подозреваемого, обвиняемого, на наш взгляд, является пробелом.

Так, применение указанной меры не вызывает сомнений и является обоснованным в отношении подозреваемых, обвиняемых, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве по делам об организованной преступной деятельности. По указанной категории дел член преступной группы, имеющий статус подозреваемого или обвиняемого и выдающий ценную информацию о деятельности группы, фактически выступает в качестве «свидетеля обвинения». Не случайно, согласно ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ в случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц следователь выносит постановление о хранении процессуальных документов, связанных с заключением соглашения, в опечатанном конверте. Согласно ч. 1 ст. 317.9 УПК РФ при необходимости обеспечить безопасность подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц применяются меры безопасности, предусмотренные ст. 11 и п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ.

Однако в некоторых случаях принятие мер уголовно-процессуальной безопасности является обоснованным и тогда, когда с подозреваемым,

обвиняемым соглашение о сотрудничестве не заключено. Речь идет о случаях, когда безопасность подозреваемых, обвиняемых поставлена под угрозу в связи с тем, что они сами по себе являются носителями исключительно важной информации о преступной деятельности. Избавление от носителя такой информации членами организованных преступных групп выступает как превентивная мера, исключая получение такой информации от данного носителя правоохранительными органами.

В связи с изложенным представляется обоснованным включение процессуальной фигуры подозреваемого, обвиняемого в ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Следующей мерой уголовно-процессуальной безопасности, указанной в ч. 3 ст. 11 УПК РФ является применение ч. 2 ст. 186 УПК РФ. Согласно данной норме при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц контроль и запись телефонных и иных переговоров допускаются по письменному заявлению указанных лиц, а при отсутствии такого заявления – на основании судебного решения.

Контроль и запись телефонных и иных переговоров могут играть в ходе обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства важную роль, однако, строго говоря, они не являются мерой обеспечения безопасности. Указанные действия позволяют эффективно выявить и зафиксировать угрозу безопасности участника уголовного судопроизводства. В связи с этим точнее было бы именовать их средством, позволяющим принять меры к обеспечению безопасности: в идеале нейтрализовать источник угрозы, а при невозможности немедленной нейтрализации – принять меры защитительного характера.

В числе мер уголовно-процессуальной безопасности в ч. 3 ст. 11 УПК РФ названы также меры, предусмотренные в ч. 8 ст. 193 УПК РФ. Согласно данной норме, в целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. В этом случае понятия находятся в месте нахождения опознающего.

В литературе высказывалась точка зрения о том, что в целях обеспечения безопасности обоснованным является проведение опознания по фотографии (видеозаписи), даже если реально можно предъявить опознаваемого «живьем»⁶. При этом проведение опознания по фотографиям (видеозаписи) аргументируется тем, что обеспечение безопасности является основанием для признания «невозможности предъявления лица для опознания». На наш взгляд, опознание по фотографии лица, которое возможно предъявить опознающему, не должно иметь исключений, в том числе и для обеспечения безопасности. Фото- и видеоизображение, даже при использовании современной техники, искажают признаки внешне-

---

⁶ См., например: Справочник следователя (практическая криминалистика : следственные действия). М., 1990. Вып. 1. С. 200.

сти опознаваемого лица. Кроме того, «легализация» рассматриваемого предложения способствует проведению незаконных опознаний оперативными и следственными работниками, которые проводят их по фотографиям (иногда не оформляя процессуально) для того, чтобы избежать негативной для следствия линии поведения подозреваемого, обвиняемого в случае, если опознающий не опознает опознаваемое лицо.

В случае угрозы безопасности необходимо проводить опознание не по фотографии, а в условиях, предусмотренных ч. 8 ст. 193 УПК РФ.

К мерам уголовно-процессуальной безопасности, применяемым в ходе судебного производства, в ч. 3 ст. 11 УПК РФ законодатель отнес:

– допущение закрытого судебного разбирательства на основании определения или постановления суда в случаях, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ);

– закрепление права суда при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц без оглашения подлинных данных о личности свидетеля провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чем суд выносит определение или постановление (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Обоснованность первой из указанных уголовно-процессуальных мер обеспечения безопасности сомнений не вызывает. Она соответствует требованиям международно-правовых стандартов в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

В то же время продолжают оставаться предметом дискуссий и вызывают трудности реализации на практике положения ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Применение указанной меры судом в настоящее время не регламентируется какими-либо стандартами и зависит от условий, в которых проводится судебное разбирательство, и находчивости судей. В литературе описаны следующие варианты реализации ч. 5 ст. 278: допрос производился путем телефонного разговора по громкой связи сотового телефона со свидетелем, находящимся в автомобиле, напротив здания суда; свидетель стоял за дверью суда и, отвечая на поставленные вопросы, в целях искажения голоса держал возле рта пустую литровую банку; свидетель был помещен для допроса в обычный шкаф; свидетель допрашивался за занавеской и т.д.⁷

На наш взгляд, с учетом исключительности подобных случаев в судебной практике и возможностью суда провести соответствующую подготовку для реализации ч. 5 ст. 278 УПК РФ необходимо использовать возможности допроса свидетелей путем использования систем видео-конференц-связи. В настоящее время такая возможность суда прямо закреплена в ст. 278.1 УПК РФ. Отметим, что следовало бы дополнить указанную нор-

---

⁷ См.: *Крюкова Н. И.* Проблемы обеспечения защиты свидетелей // Рос. юстиция. 2012. № 2.

му положением, которое содержится в уголовно-процессуальном законодательстве Латвийской Республики и некоторых иных стран. Содержание предлагаемого дополнения заключается в том, что, если имеется запрет на разглашение сведений, могущих идентифицировать защищаемое лицо, допрос может сопровождаться созданием визуальных и акустических помех, не позволяя остальным участникам процесса идентифицировать защищаемое лицо. Попутно отметим, что обоснованность данного положения отмечалась рядом авторов до принятия Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» задолго до закрепления в УПК РФ ст. 278.1 «Особенности допроса свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи»⁸.

По нашему мнению, ссылка на ст. 278.1 УПК РФ должна содержаться в ст. 11 УПК РФ, в которой законодатель приводит перечень статей, содержащих меры уголовно-процессуальной безопасности участников уголовного судопроизводства.

---

⁸ См.: *Шешуков М. П.* Латвийское законодательство о защите лиц, способствующих правосудию по уголовным делам // Государство и право. 1999. № 2. С. 85 ; *Трухачев В. В.* Преступное воздействие на доказательственную информацию.

Воронежский государственный университет

Трухачев В. В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права

E-mail: v.truhachev@law.vsu.ru
Тел.: 8(473) 220-83-38

Voronezh State University

Truhachev V. V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal Department

E-mail: v.truhachev@law.vsu.ru
Tel.: 8 (473) 220-83-38